

ЧТО СКРЫВАЕТ СТАРОЕ ПИСЬМО? О СТАТЬЕ Е. А. ЛЯХОВИЦКОГО

Я приветствую появление статьи Е. А. Ляховицкого «К проблеме типологии древнерусского письма» по нескольким причинам. Во-первых, поставлены под сомнение некоторые догматы кириллической палеографии. Ведь, как ни одна из исторических наук, эта наука традиционная, имеющая в своей основе канонические тексты, самым авторитетным из которых является учебник по палеографии В. Н. Щепкина.

Вот несколько показательных примеров. В 1966 г. Е. М. Сморгунова выделила в кириллическом письме чрезвычайно важный признак – пограничные сигналы (служившие для разграничения слов), с помощью которых происходила визуальная оптимизация письменного текста. Этот признак, свидетельствующий о зрелости письма, объясняет, кстати, и назначение такой существенной «инаковости» старого письма, как выносные буквы¹. Но он не стал достоянием палеографии. Не было услышано аргументированное мнение В. В. Фарсобина о предмете и задачах палеографии (1983)². В 1985 г. вышла статья И. В. Лёвочкина, где был поставлен важный вопрос о существовании устава до XVII в., вопреки господствующему мнению, согласно которому устав исчез, то ли в XIV в., то ли в XV в.³ Это мнение было повторено в его обобщающей работе⁴. Никакой реакции на него не последовало.

В вышедшем в 2006 г. учебном пособии я предложил обогатить методы кириллической палеографии за счет достижений в области латинской палеографии⁵. Это предложение

¹ Сморгунова Е. М. О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII века) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.

² Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 66–100.

³ Лёвочкин И. В. Русское уставное письмо и его хронологические параметры // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 15.

⁴ Лёвочкин И. В. Основы русской палеографии. М., 2003.

⁵ Груша А. И. 1) Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск, 2006; 2) Крыніцы для вызначэння прыкмет кірылічнага

не было удостоено вниманием со стороны историков кириллицы. Характерна живая реакция на данное предложение, последовавшая в 2005 г. на отдельной секции международной конференции, посвященной 100-летию Л. В. Черепнина. Оно, не успев стать предметом обсуждения, вызвало у некоторых участников секции сомнение в моей компетентности в области палеографии (!?) и, соответственно, реплики в духе менторских поучений. Опубликованная в 2010 г. статья (на русском языке), в которой я попытался показать, какую пользу кириллической палеографии может принести ее методологический союз с латинской, не имела ни малейшего отклика⁶.

Исследователи кириллической палеографии оберегают ее границы и пространство от принципиальных мнений. При этом в ней сравнительно, например, с латинской палеографией нет ни собственной теории, ни продуктивных методов, ни четкого и развернутого понятийного аппарата, ни более или менее устойчивой терминологии.

Более того, палеография не имеет четко очерченного предмета исследования. Что именно она изучает: графику письма? Или же кроме нее также материал и инструменты для письма, декор рукописей, миниатюру, переплет и т. д.? А каковы задачи палеографии? Неужели они как и ранее составляют лишь определение времени создания не датированных рукописей? Сводится ли метод кириллической палеографии только лишь к описанию и сопоставлению? Все эти вопросы по-прежнему остаются злободневными.

Я был бы не прав, если адресовал эту критику всей кириллической палеографии. Эта критика относится лишь к ее восточнославянской «специализации». Коллеги, занимающиеся изучением графики кириллического письма южных славян, оказались гораздо восприимчивей к новым идеям, а благодаря этому и более продуктивными. Они обсуждали вопрос о правомерности введения в историю кириллицы понятий латинской палеографии, о возможности применения в ней метода палеографа-латиниста Ж. Маллона⁷. А сейчас они, используя материалы региональных вариантов кириллического письма (письма документов Дубровника), тщательно и плодотворно изучают такие вопросы, как, например, координация букв в линейной системе (процесс упрощения и выравнивания буквенных линий и развитие буквенных форм в рамках линейной системы с целью достижения оптимальной скорости письма при сохранении узнаваемости букв) и др.⁸ При этом они учитывают конституирующие признаки письма, являющиеся общими для всех графических систем письма греческого про-

письма (палеографічний аспект) // Молодежь в науке – 2007. Приложение к журналу «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». В 4 ч. Ч. 2. Минск, 2008. (Серия гуманитарных наук).

⁶ Груша А. И. Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010.

⁷ Коцева Е. Развитие на българското кирилско писмо през XIV–XV в. // *Paléographie et diplomatique slaves* = Славянска палеография и дипломатика. София, 1985. [Вып.] 2. Лекции от втория семинар по славянска палеография и дипломатика и доклади от научната конференция «Украсата на балканската ръкописна книга до XVIII век». София, 1983.

⁸ Žagar M., Paskojević K. Ćirilичke isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva // *Filologija*. Zagreb. 2014. № 62; Paskojević K. Razvojni procesi diplomatske ćirilичke minuskule u dokumentima srednjovjekovne Dubrovačke kancelarije. Doktorski rad. Zagreb, 2018 (не опубликованная диссертация). Режим доступа: https://www.academia.edu/38913710/Razvojni_procesi_diplomatske_ćirilичke_minuskule_u_dokumentima_srednjovjekovne_

исхождения, не отягощая себя автоцензурой, которая питается авторитетным мнением «отцов русской палеографии». Это совсем иной уровень исследования, открывающий многообещающие перспективы.

Я намеренно ввожу читателя в эту ретроспективу и реальность. Ведь Е. А. Ляховицкий покусился на «священные» каноны кириллической палеографии, сделал это осторожно, но по существу.

Во-вторых, я приветствую текст этого автора и потому, что поставленные им вопросы ориентируют на серьезный пересмотр традиционных представлений. Если оценивать статью Е. А. Ляховицкого в целом, то все же нельзя воздержаться от ее критики. Эта статья не является завершенной ни по форме, ни по содержанию. Вывод о том, что представление о сменяющих друг друга «уставе», «полууставе» и «скорописи» было закреплено авторитетом А. Х. Востокова – не более, чем констатация мнения. Он вовсе не проистекает из анализа, приведенного в основной части статьи. Слабо верится в то, что к закреплению указанного представления не имеют никакого отношения мнения и авторитет последующих ученых – И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, В. Н. Щепкина, Е. Ф. Карского, Л. В. Черепнина и др. Приходится сожалеть, что автор оставил без внимания суждение, касающееся вопроса о целесообразности использования такой категории классификации кириллического письма, как «полуулав», одного из самых вдумчивых историков кириллицы В. А. Мошина. Не лишним будет упомянуть и о противостоянии В. А. Мошина и Г. Чремошника в вопросе относительно целесообразности использования таких категорий, как «улав», «полуулав» и «скоропись»⁹, а также и о том, что в отношении отдельных региональных вариантов «полуулава» некоторые современные исследователи склонны применять понятие латинской палеографии – минускул, не отрицая, впрочем, права на жизнь традиционного «полуулава»¹⁰.

Имеются вопросы к таким характеристикам письма, как «тщательное», «торжественное», «скорое», «беглое», «упрощенное» письмо, «небрежный» характер письма и т. д. Спрашивается – это характеристики письма оппонентов Е. А. Ляховицкого, чьи позиции он намерен ослабить, пытаясь найти противоречия в их суждениях, или автор сам принимает эти характеристики и пользуется ими для идентификации письма, т. е. для определения его типов? Судя по тому, что автор делает категорический вывод («Итак, понятие “полуулав” оказывается одновременно избыточным и недостаточным...»), подозреваю, что он все же принимает эти характеристики.

Проблема заключается в том, что одни используемые автором характеристики относительно и размыты, другим – место в иных категориях классификации, но не тех, которые следует использовать для идентификации письма. Е. А. Ляховицкий цитирует И. И. Срезневского, отмечавшего, что уставом могли писать «не только медленно, но и скоро». Но *что* значит «скоро»? В данном случае важно знать (хотя бы следующее),

[dubrovačke_kancelarije_Processes_of_Development_of_Diplomatical_Cyrillic_Minuscule_in_the_Documents_of_the_Medieval_Dubrovnik_Chancery](#) (последнее посещение – 1 мая 2019 г.).

⁹ *Чремошник Г.* Studije iz srpske paleografije i diplomatike. I: Terminologija ćirilске paleografije i vrste ćirilskog pisma // Glasnik skopskog naučnog društva. Odelene društvenih nauka. 1940. № 21; *Мошин В.* Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici // Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 1965. № 15–16.

¹⁰ *Паскојевић К.* Razvojni procesi diplomatske ćiriliske minuskule u dokumentima srednjovekovne Dubrovačke kancelarije. S. 14, и др.

за счет чего достигалась эта скорость: уменьшения размеров письма или увеличения количества сокращений, или использования безотрывных написаний, всех этих приемов вместе, иных приемов. Тоже относится и к «беглому» письму. Автор упоминает об упрощенном письме, упрощенности начертаний, простоте письма. Но в чем заключалась эта «упрощенность» и «простота»: в округлении письма, сокращении количества движений пера при выполнении элементов букв, использовании иных приемов? И что имеется в виду при характеристиках «качественное», «фундаментальное» и «черновое»?

Характеризуя письмо, Е. А. Ляховицкий отмечает его каллиграфическую тщательность и торжественность, небрежный характер. Но разве эти описания дают представление о типе письма? Каллиграфия и торжественность – эстетическая сторона. Тщательность и небрежность – сторона техническая, результат проявления старательности, индивидуальных способностей, умения, опыта и мастерства писца, в конце концов, условий работы и соблюдения требований заказчика. Все это характеристики иного уровня. Ведь как быть в таком случае с «небрежным» и «упрощенным» письмом берестяных грамот, надписей на стенах храмов XI–XIII вв. и проч. Это еще устав? Или это уже полуустав или скоропись? Каллиграфичной и торжественной, тщательной и небрежной может быть и скоропись. Но это не превращает ее в полуустав или устав, какой-либо иной тип письма.

Е. А. Ляховицкий приводит данные о рисунке (форме) букв, например: «... начертания с высоко расположенными перекладинами и уменьшенной верхней частью – отмечается и для “уставных” рукописей. Другие начертания представляют собой упрощения: “з” упрощенное, с круглым хвостом, “в” четырехугольное ступенчатое, “ч с расщепом”». «О начертаниях “земли” нужно отметить, что относительно раннее древнерусское книжное письмо знает помимо прочих и варианты начертания этой буквы с круглым, довольно далеко уходящим под строку загибающимся нижним элементом». «Что касается широкого “е”, то как и в случае с “w” с высокой серединой, начертание с прямым язычком имелось в “уставных” древнерусских рукописях XI–XII вв.». Но если эти рисунки могут менять тип письма, то как быть со скорописью, в которую каждое поколение писцов, начиная особенно с конца XVI в., привносило целые серии новых форм букв? Ведь если следовать логике, каждая такая новая серия должна создавать новые типы письма.

Такие характеристики, как тщательность, небрежность, упрощенность и т. п., не определяют тип письма. Нужен иной их набор. Если таковой отсутствует в собственной традиции, полезно ознакомиться с исследованиями письма близких и/или родственных графических систем. Для кириллицы таковыми являются греческое и латинское письмо. История письма не завершилась в прошлом, она продолжается. Поэтому, чтобы сделать точные наблюдения, сформулировать полноценные суждения и выводы нельзя игнорировать состояние письма в настоящем, а тем более занимать изоляционистскую позицию в отношении к результатам в смежных областях. В этом плане палеографам крайне полезно воспользоваться данными в области судебно-медицинской экспертизы письма. Набор признаков, по которым дается оценка должен быть оптимальным. Чтобы исключить проникновение в него частных характеристик, он не может быть слишком широким. Но чтобы дать возможность исследователям верифицировать свои заключения, данный набор не может быть слишком узким. Используя материалы латинской палеографии и судебно-медицинской экспертизы письма, я в свое время предложил при определении типа кириллического письма учитывать следующие конституирующие при-

знаки: темп движения; «вес» письма; преимущественная протяженность движений пера (высота, размер) и пропорции букв; симметричность букв; соразмерность букв; буквы, выполняющиеся в более, чем две линейки, и их количество (в середине строки); угол наклона; общая (преимущественная) форма движения пера; связность движений; дукт; тип соединения движений при написании элементов букв и самих букв между собой; количество движений (приемов) при написании элементов букв и самих букв между собой; форма (рисунок) букв; вариантность букв; характер и количество сокращений (в середине строки); система пограничных сигналов¹¹.

Кириллической палеографии важно преодолеть «буквоцентристский» подход. Рисунок (форма) буквы – лишь один из признаков письма. Все признаки тесно связаны между собой. Например, уменьшение размера письма ведет к увеличению количества букв, выполняющихся в более, чем две линейки (минускулизация письма); стремление к связности движений обуславливает изменение формы движения пера, округление этой формы, сокращение количества движений при написании элементов букв. Все это участвует в формировании рисунка букв и т. д. Это не просто признаки. Это – взаимосвязанные и взаимозависимые элементы одной системы, изменяющиеся в процессе развития письма и изменяющие всю систему.

Утверждение о том, что в сознании древнерусского книгописца длительное время имелось два основных графических типа письма – «устав» и «скоропись», может подтверждаться свидетельствами источников XVI в. В 1540 г. в Витебске рассматривалось дело, в котором фигурировал документ, якобы доказывающий правоту истцовой стороны. Судья решил проверить подлинность документа и допросил священника церкви Св. Духа в Витебске, обучавшего «грамоте» человека, имя которого было указано как имя составителя и переписчика документа – дьяка Ески Клинца. Священник сообщил, что он учил Клинца писать уставом, а скорописи не учил, поскольку и сам не умел пользоваться этим письмом. В качестве доказательства он предоставил «книжки» и «списки» Клинца – его письменные упражнения. Ценность свидетельства побуждает меня привести цитату из источника полностью: «Где ж ставили перед нами попа духовьского на имя... , в которого тотъ истьи Клинец училь ся грамоте, иж, деи, тотъ попь писмо его знает. А такъ, познаеть, же не его то писмо. И тотъ попь светъчылъ: “Правьда есть, иж тотъ Клинецъ небожчикъ, будучы выросъкомъ молодымъ, учылъ ся в мене, але скорописи не вмель ани ся учылъ, бо я и самъ скорописного писма писати не умемъ”. Где ж книжки и списки (*так в ркп., след. чит.* списки. – А. Г.) того Клиньцова писмени покладалъ уставнымъ писмомъ, а не скоропилънымъ (*так в ркп., след. чит.* скорописьнымъ. – А. Г.)¹².

Приходится сожалеть, что мы не можем увидеть эти «книжки» и «списки». Но зная, каким письмом пользовались в Витебске, вообще в Великом Княжестве Литовском в сере-

¹¹ Груша А. И. Беларуская кірылічная палеаграфія... С. 41–49.

¹² Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. 1533–1540 гг. / Подгот. к печ. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. М., 2008. № 155. С. 275–276. – Впервые в печати на этот источник обратил внимание И. Каманин с подсказки М. Н. Ясинского (*Каманин И.* Главные моменты в истории развития южно-русского письма в XV–XVIII вв. // Палеографический сборник: Материалы по истории южно-русского письма в XV–XVIII вв., изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1899. Вып. 1. С. 10).

дине XVI в. при подготовке документов и переписке церковных книг, мы можем составить представление о том, что понималось под скорописью и уставом того времени. Уставом называли то письмо, которое сегодня принято определять как полуустав.

Графический тип письма задается мировоззренческими, социальными и культурными установками, ценностными ориентациями. Можно говорить о нормативном, регламентированном, письме и системном письме, лишенном регламентации и всяких сдержек с точки зрения поиска оптимальных форм для быстрого исполнения. Схема устав – полуустав – скоропись неверно отражает эволюцию древнерусского письма. Когда возникла скоропись, устав не исчез. Длительное время указанные графические типы письма сосуществовали, будучи распределенными по тем или иным текстам, в зависимости от их предназначения и используемого языка. Противопоставление «устава» и «полуустава» как раннего (XI–XIV) и более позднего (XV–XVII) книжного письма не обоснованно. По крайней мере, до середины XVI в. книги писали письмом, называвшимся «устав». Самоценность и самодостаточность скорописи утверждались в условиях расширения области прагматических отношений между индивидами. Авторитет данного письма был обусловлен институционализацией светской письменности, развитием бюрократического способа управления, ростом профессионализации дела, связанного с подготовкой документов, значением деятельности и *авторитетом* светской власти, его административного аппарата. Фактором возникновения скорописи являлось понимание того, что вековую, авторитетную, осязаемую и созерцаемую традицию письма можно было подчинить, целенаправленно изменять, внести в письмо радикальные новации, и сделать это в рациональных целях.

Информация о статье

Автор: Груша, Александр Иванович – доктор исторических наук, директор, Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия, pigus@tut.by, OrgID 0000-0003-2327-3960, SPIN 2817-4719

Заголовок: Что скрывает старое письмо? О статье Е. А. Ляховицкого.

Резюме: Обсуждаются проблемы, поставленные в статье Е. А. Ляховицкого «К проблеме типологии древнерусского письма». Такие характеристики письма, как тщательность, небрежность, упрощенность и т. д. не определяют тип письма. При определении типа кириллического письма следует учитывать конституирующие признаки, такие как темп движения; «вес» письма; высота и пропорции букв; буквы, выполняющиеся в более, чем две линейки, и их количество (в середине строки); угол наклона; общая форма движения пера; связность движений и др. Графический тип письма задается мировоззренческими, социальными и культурными установками, ценностными ориентациями. Можно говорить о нормативном, регламентированном, письме и системном письме, лишенном регламентации и всяких сдержек с точки зрения поиска оптимальных форм для быстрого исполнения. Схема устав – полуустав – скоропись неверно отражает эволюцию древнерусского письма. Когда возникла скоропись, устав не исчез. Длительное время указанные графические типы письма сосуществовали, будучи распределенными по тем или иным текстам, в зависимости от их предназначения и используемого языка. Противопоставление устава и полуустава как раннего (XI–XIV) и более позднего (XV–XVII) книжного письма не обоснованно. По крайней мере, до середины XVI в. книги писали письмом, называвшимся «устав». Самоценность и самодостаточность скорописи утверждались в условиях расширения области прагматических отношений между индивидами. Авторитет данного письма был обусловлен институционализацией светской письменности, развитием бюрократического способа управления, ростом профессионализации дела, связанного с подготовкой документов, значением деятельности и *авторитетом* светской власти, его административного аппарата. Фактором возникновения скорописи являлось понимание того, что вековую, авторитетную, осязаемую и созерцаемую традицию письма можно было подчинить, целенаправленно изменять, внести в письмо радикальные новации, и сделать это в рациональных целях.

Ключевые слова: кириллица, палеография, устав, полуустав, скоропись.

Литература, использованная в статье

Груша, Александр Иванович. Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. Москва: Языки славянских культур, 2010. С. 82–91.

Груша, Аляксандр Іванавіч. Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск: БДУ, 2006. 142 с.

Груша, Аляксандр Іванавіч. Крыніцы для вызначэння прыкмет кірылічнага пісьма (палеаграфічны аспект) // Молодежь в науке – 2007. Приложение к журналу «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». В 4 ч. Ч. 2. Мінск: Беларуская навука, 2008. С. 195–198. (Серия гуманитарных наук).

Коцева, Елена. Развитие на българското кирилско писмо през XIV–XV в. // *Paléographie et diplomatique slaves* = Славянска палеография и дипломатика. София, 1985. [Вып.] 2. Лекции от втория семинар по славянска палеография и дипломатика и доклади от научната конференция «Украсата на балканската ръкописна книга до XVIII век». София, август 1983. С. 23–47.

Лёвочкин, Иван Васильевич. Основы русской палеографии. Москва: Кругъ, 2003. 175 с.

Лёвочкин, Иван Васильевич. Русское уставное письмо и его хронологические параметры // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1983. Вып. 15. С. 72–78.

Сморгунова, Елена Михайловна. О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII века) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. Москва: Наука, 1966. С. 176–190.

Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. 1533–1540 гг. / Подгот. к печ. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич. Москва: Наука, 2008. 524 с.

Фарсоби́н, Виктор Васильевич. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. Москва: Наука, 1983. 231 с.

Čremošnik, Gregor. Studije iz srpske paleografije i diplomatike. I: Terminologija ćirilске paleografije i vrste ćirilskog pisma // Glasnik skopskog naučnog društva. Otdelene društvenih nauka. 1940. № 21. S. 1–19.

Mošin, Vladimir. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici // Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 1965. № 15–16. S. 150–182.

Paskojević, Kristian. Razvojni procesi diplomatske ćirilčke minuskule u dokumentima srednjovjekovne Dubrovačke kancelarije: Doktorski rad. Zagreb, 2018. 384 s.

Žagar, Mateo, Paskojević Kristian. Ćirilčke isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva // Filologija. Zagreb. 2014. № 62. S. 221–247.

Information about the article

Author: Grusha, Aleksandr Ivanovich – doctor of historical sciences, director, Yakub Kolas Central Science Library of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, pirus@tut.by, OrcID 0000-0003-2327-3960, SPIN 2817-4719

Title: What hides the old writing? About the article by E. A. Lyakhovitskiy

Abstract: The problems raised in the article by E. A. Lyakhovitskiy “To the problem of the Old Russian writing’s typology” are discussed. The following opinions are voiced. Such script characteristics as accuracy, sloppy, simplicity, etc., do not determine the type of writing. In determining the type of Cyrillic writing, one should take into account such constitutive features as the pace of movement; “Weight” of the writing; height and proportions of letters; letters running in more than two lines, and their amount (in the middle of the line); inclination; general form of the pen movement; connectedness, etc. The graphic type of writing is determined by ideological, social and cultural attitudes, value orientations. It is possible to speak about normative, regulated, writing and about systemic writing, deprived of regulation and any control in terms of finding the best forms for quick execution.

The scheme *ustav* – *poluustav* – *skoropis*’ incorrectly reflects the evolution of Old Russian writing. When the *skoropis*’ came, *ustav* did not disappear. For a long time, these graphic types of writing coexisted, being distributed over various texts, depending on their purpose and language used. The polarization of the “*ustav*” and “*poluustav*” as the early (XI–XIV) and later (XV–XVII) book letters is not justified. At least until the middle of the XVI century. Books were written by script called the “*ustav*”. The self-value and self-sufficiency

of skoropis' writing asserted in the conditions of expansion of the pragmatic relations scope between individuals. The authority of this writing was due to the institutionalization of secular writing, the development of the bureaucratic management, the growth of professionalization of activity related to the preparation of documents, the importance of operation and credibility of the secular authorities and its administrative capacity. The factor for skoropis' script was the understanding that the age-old, authoritative, tangible and contemplative tradition of writing could be subordinated, purposefully changed, incorporated into the writing radical innovations, and do it for rational purposes.

Keywords: Cyrillic, paleography, *ustav*, *poluustav*, skoropis

References

Čremošnik, Gregor. Studije iz srpske paleografije i diplomatike I: Terminologija ćirilске paleografije i vrste ćirilskog pisma [Researches of Serbian paleography and diplomatics. I: Terminology of Cyrillic paleography and kinds of Cyrillic script], in *Glasnik škopskog naučnog društva. Otdelene društvenih nauka*. 1940. № 21. Pp. 1–19. (in Croatian).

Farsobin, Viktor Vasil'evich. *Istochnikovedenie i ego metod: Opyt analiza ponyatiy i terminologii* [Source study and its method: Experience of concepts and terminology analysis]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 231 p. (in Russian).

Grusha, Aleksandr Ivanovich. Kirillicheskie i latinskoe pis'mo: obshchee i otlichnoe v istorii i izuchenii [Cyrillic and Latin scripts: common and distinctive in history and studying], in *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya): Sbornik statey pamyati akad. L. V. Cherepnina*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. Pp. 82–91. (in Russian).

Grusha, Aliaksandr Ivanovich. *Belaruskaya kirylichnaya paleografiya: Vuchebny dapamozhnik dlya studentaŭ gistorychnaga fakul'teta [Belarus Cyrillic paleography: Manual for students of historical faculty]*. Minsk: BDU Publ., 2006. 142 p. (in Belarussian).

Grusha, Aliaksandr Ivanovich. Krynitsy dlya vyznachennya prykmet kirylichnaga pis'ma (paleografichny aspekt) [Sources for definition of Cyrillic script indications (paleographic aspect)], in *Molodezh' v nauke – 2007. Prilozhenie k zhurnalu «Vesti Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi»*. V chetyrekh chastyakh. Ch. 2. Seriya gumanitarnykh nauk. Minsk: Belorusskaya nauka Publ., 2008. Pp. 195–198. (in Belarussian).

Kotseva, Elena. Razvitie na b'lgarskoto kirilsko pismo prez XIV–XV v. [Development of Bulgarian Cyrillic script in fourteenth – fifteenth centuries], in *Paléographie et diplomatique slaves = Slavyanska paleografiya i diplomatika*. Sofiya. 1985. [Vol.] 2. Lektsii ot vtoriya seminar po slavyanska paleografiya i diplomatika i dokladi ot nauchnata konferentsiya «Ukrasata na balkanskata r'kopisna kniga do XVIII vek». Sofiya, 1983. Pp. 23–47. (in Bulgarian).

Lyevochkin, Ivan Vasilyevich. Russkoe ustavnoe pis'mo i ego khronologicheskie parametry [Russian *ustav* script and its chronological parametres], in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1983. Vol. 15. Pp. 72–78. (in Russian).

Levochkin, Ivan Vasilyevich. *Osnovy russkoy paleografii [Bases of Russian paleography]*. Moscow: Krug Publ., 2003. 175 p. (in Russian).

Mošin, Vladimir. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici [Methodical notes about script types in Cyrillics], in *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*. 1965. No 15–16. Pp. 150–182. (in Croatian).

Paskojević, Kristian. *Razvojni procesi diplomatske ćiriličke minuskule u dokumentima srednjovjekovne Dubrovačke kancelarije: Doktorski rad [Processes of development of diplomatical Cyrillic minuscule in the documents of the medieval Dubrovnik chancery]*. Doctoral thesis]. Zagreb, 2018. 384 p. (in Croatian).

Smorgunova, Elena Mikhaylovna. O pograničnykh signalakh v skoropisi (nablyudeniya nad grafikoy smolenskikh gramot XVII veka) [About boundary signals in skoropis' (the observation of the script of XVII century Smolensk documents)], in *Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti*. Moscow: Nauka Publ., 1966. Pp. 176–190. (in Russian).

Žagar, Mateo; Paskojević, Kristian. Ćiriličke isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva [Cyrillic documents of Dubrovnik chancery of fifteenth century between minuscule and cursive], in *Filologija*. Zagreb. 2014. No 62. Pp. 221–247. (in Croatian).